

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И СПЕЦИФИКА

© 2016 г. Сергей Александрович Лобанов¹

В статье исследована категория уголовной ответственности за военные преступления, показаны её интегративные признаки и отличительные особенности, определено понятие и выделены типы.

The article analyses the category of criminal responsibility for war crimes, shows its integrative characteristics and distinctive features, defines the notion and types selected.

Ключевые слова: военные преступления, уголовная ответственность за военные преступления, нормы международного и национального права, международные органы уголовной юстиции, национальные органы уголовной юстиции.

Key words: war crimes, criminal responsibility for war crimes, the rules of international and national law, international criminal Justice, national criminal Justice.

Проблема уголовной ответственности за военные преступления обретает особую актуальность в наше время в силу повышенной социальной опасности данных преступлений, масштабов их совершения в вооруженных конфликтах современности, значимости объектов их посягательства. В свою очередь, нормы об уголовной ответственности за военные преступления, содержащиеся в источниках международного и национального права, нельзя признать вполне совершенными, имеются серьезные изъяны в практике её реализации². Представляется, что данная си-

туация имеет глубокие исторические корни. На неё, безусловно, влияет целый комплекс факторов, причем не только правового характера (пробелы и противоречия источников международного и внутригосударственного права, недостатки имплементационных процедур и т.д.), но и фактор политический (отсутствие взаимопонимания между государствами, практика “двойных стандартов”, политических манипуляций и т.п.). Вполне понятно, что преодолеть ее непросто, — это требует целого комплекса мер политического, правового и организационного характера. В процессе оптимизации норм и институционально-правового механизма не следует недооценивать и научную составляющую: данный процесс должен опираться на результаты научных исследований (или по крайней мере учитывать их), и в первую очередь исследований, проводимых представителями международно-правовой науки.

Необходимо отметить, что разработкой вопросов борьбы с военными преступлениями занимались многие отечественные и зарубежные авторы, представляющие науку международного права, а также другие отрасли правовой науки. Так, на различных этапах исторического разви-

¹ Заведующий кафедрой международно-правовых дисциплин НОУ ВПО “Институт международной торговли и права”, соискатель кафедры конституционного (государственного) и международного права Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Военный университет” Министерства обороны РФ, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: lobanov-sa.lobanov@yandex.ru).

Sergey Lobanov, head of the Department of international legal disciplines of Institute of International trade and Law, applicant of the chair of constitutional and International Law of the Federal state military educational institution of higher professional education “Military University” of the Ministry of defence of the Russian Federation, PhD in Law, associate Professor (E-mail: lobanov-sa.lobanov@yandex.ru).

² На данные обстоятельства обращают внимание многие современные исследователи, представляющие науку международного права. См., например: *Белый И.Ю.* Военные преступления в системе обвинений, предъявленных С. Хусейну // *Право в вооруженных силах.* 2006. № 10 // ИПС “Гарант”; *Григорович Ю.В.* Уголовная ответственность физических лиц за международные преступления. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Лобанов С.А.* Международный уголовный процесс: тенденции современного развития // *Гос. и право.* 2003. № 1; *Марусин И.С.* Международные уголовные суды и значение их деятельности для урегулирования вооруженных конфликтов //

Правоведение. 2009. № 1; *Мезяев А.Б.* Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые проблемы // *Росс. ежегодник международного права.* 2004. СПб., 2005; *Русинова В.Н.* Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007; и др.

тия Российского государства к этой проблеме обращались правоведы Ф.Ф. Мартенс, Н.М. Коркунов, Л.А. Камаровский, Н.Н. Полянский, И.Н. Арцибасов, И.П. Блищенко, С.Н. Головин, С.А. Егоров, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, В.И. Курляндский, А.И. Полтораки, Ю.А. Решетов, П.С. Ромашкин, многие другие авторы.

Комплекс международно-правовых проблем по факту динамичных процессов развития международного уголовного права и процесса, стремительного роста объема международного и внутригосударственного регулирования отношений, связанных с привлечением к ответственности лиц, обвиняемых в причастности к серьезным нарушениям международного гуманитарного права, созданием международных трибуналов *ad hoc* и Международного уголовного суда на постоянной основе, стал предметом изучения специалистов в области международного и внутригосударственного права, в частности таких авторов, как А.Х. Абашидзе, Р.А. Адельханян, В.А. Батырь, А.В. Берко, И.Ю. Белый, А.Ю. Винокуров, Р.А. Елисеев, Р.А. Каламкарян, А.Г. Кибальник, Н.И. Костенко, И.И. Котляров, И.И. Лукашук, А.В. Наумов, А.Б. Мезяев, Н.Г. Михайлов, О.И. Рабцевич, Г.А. Русанов, В.Н. Русинова, А.В. Серебренникова, А.Ю. Скуратова, Е.Н. Трикоз, С.В. Черниченко и др.

В зарубежной науке международного права к вопросам уголовной ответственности за военные преступления обращались при разработке проблем международного уголовного права и международного гуманитарного права М.Ш. Бассиоуни, М. Боте, Г. Верле, Ж.-М. Хенкертс, Дж. Шварценбергер и многие другие.

Однако следует признать, что в настоящее время, как и ранее, в науке международного права отсутствует единое понимание по ряду вопросов, принципиально важных для формирования и реализации уголовной ответственности за военные преступления. Недостаточное внимание уделяется методологическим аспектам формирования уголовной ответственности за военные преступления, определению её понятия и сущностных (интегративных) признаков, особенностям их проявления применительно к данной разновидности. Изучение этих вопросов, по сути теоретических, имеет и важное практическое значение, поскольку содействует разработке научной концепции совершенствования норм об уголовной ответственности за военные преступления и её институционально-правового механизма.

Рассматривая категорию уголовной ответственности за военные преступления, мы исходим из

того, что, во-первых, она представляет собой специфическую разновидность уголовной ответственности, и, следовательно, ей присущи признаки последней (назовём их интегративными признаками). Во-вторых, специфика уголовной ответственности за военные преступления проявляется в особенностях содержания указанных признаков.

Опираясь на научные разработки³, нормативно-правовую базу и материалы правоприменительной практики, следует вести речь о специфике материально-правовых оснований реализации уголовной ответственности (особой роли в этом плане уголовного закона); роли государственного принуждения, характере его мер и правовых последствий для осуждённого (в частности, судимости); специальном порядке конкретизации и реализации уголовной ответственности за военные преступления (строгая регламентация данного порядка нормами уголовно-процессуального закона, реализация уголовной ответственности исключительно в соответствии с обвинительным приговором суда).

Уголовная ответственность за военные преступления, как и уголовная ответственность в целом, предусматривает возможность наступления наиболее серьезных последствий для лица, преступившего закон, характеризуется исключительностью материально-правовых и процессуальных оснований. Отношения, связанные с ее конкретизацией и реализацией, подвержены наиболее детальной регламентации. Вместе с тем особенности военных преступлений предопределяют специфику норм, предусматривающих основания и порядок наступления разновидности уголовной ответственности.

Исследование нормативно-правовых источников, определяющих основания, условия и пределы уголовной ответственности за военные преступления⁴, и научной литературы, посвященной

³ По данной проблеме см., например: *Ермолович Я.Н.* Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. М., 2010; *Жариков Ю.С.* Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М., 2009; *Жук М.С.* Теоретические проблемы исследования институтов Общей части уголовного права // *Lex russica*. 2014. № 1. С. 109–122; *Уголовно-правовое воздействие* / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. М., 2012 // СПС “КонсультантПлюс”; *Чистяков А.А.* Механизм формирования оснований уголовной ответственности. Рязань, 2000; *Шулепов Н.А.* Правовые основания и формы реализации уголовной ответственности военнослужащих. М., 2001; и др.

⁴ См.: Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., I и II Дополнительные протоколы к ним 1977 г., Уставы Международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, Римский статут Международного уголовного суда, и др.

различным ее аспектам⁵, позволяет вести речь о существенной специфике правовой природы объекта посягательства военных преступлений и условий их совершения. В современной международно-правовой науке преобладающим является мнение, согласно которому под военными преступлениями понимаются такие международные деяния (действия) субъектов, которые нарушают общепризнанные законы и обычаи войны. Сами по себе военные преступления могут выражаться в различных противоправных деяниях (действиях), использовании средств и методов войны, которые запрещены действующими положениями, нормами международного права⁶. Общим условием квалификации деяний в качестве военных преступлений является наличие вооруженного конфликта: упрощенно под военным преступлением понимается преступное общественно опасное деяние, совершенное в ходе вооруженного конфликта в отношении покровительствуемых лиц или объектов⁷. При этом согласно современному международному праву противоправные деяния могут быть совершены в ходе вооруженного конфликта как международного, так и внутреннего характера⁸.

Ряд наиболее серьезных нарушений законов и обычаев войны в современной доктрине и в разрабатываемых на ее основе документах рассматривается как преступления против мира

и безопасности человечества⁹. Концепция военных преступлений как преступлений против мира и безопасности человечества проведена в целом комплексе международных норм, обеспечивающих действие принципа неотвратимости наказания военных преступников (Декларация о территориальном убежище от 14 декабря 1967 г., Конвенция о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г., Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1973 г. N3074 (XXVIII) “Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества”).

Следует также иметь в виду, что военные преступления, в отличие от таких международных преступлений, как агрессия, геноцид, могут быть в принципе результатом эксцессов и преступной деятельности физических лиц, как таковых. В этой связи, как отметил на этот счёт Л. Оппенгейм, стала складываться такая практика, когда лица, виновные в военных преступлениях, преследовались не только враждебной стороной в случае их пленения, но и самим государством, в состав вооруженных сил которого они входили¹⁰. Эти государства принимали с указанной целью соответствующие законы. В работах других авторов также можно проследить разграничение военных преступлений с учетом наличия или отсутствия взаимосвязи между их совершением и проводимой государственной политикой. Так, А.И. Полтораки писал о том, что “обычные военные преступления перерастают в преступления против человечности, если они совершаются по заранее составленным приказам и носят поэтому государственно-организованный характер, а также имеют своей целью массовое уничтожение людей”¹¹. Схожую мысль высказал впоследствии Ю.А. Решетов¹². Один из авторов коллективной монографии “Международное уголовное право” Р.А. Каламкарян со ссылкой на голландского юриста Б. Ролинга пишет о двух видах военных

⁵ См.: *Адельханян Р.А.* Военные преступления в современном праве. М., 2006; *Батырь В.А.* Международно-правовая регламентация применения средств ведения вооруженной борьбы в международных вооруженных конфликтах // *Гос. и право.* 2001. № 10; *Белый И.Ю.* Международное преследование за военные преступления: правовые и процессуальные аспекты. М., 2004; *Берко А.В., Кибальник А.Г.* Применение запрещенных средств и методов ведения войны. Ставрополь, 2002; *Винокуров А.Ю.* Международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения. М., 2011; *Головин С.Н.* Ответственность за нарушение международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1985; *Лобанов С.А.* Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях. М., 1999; *Русинова В.Н.* Указ. соч.; *Стивен Р., Ратнер С.Р.* Категории военных преступлений // *Военные преступления. Это надо знать всем* / Под ред. Ю.М. Колосова. М., 2001; и др.

⁶ См.: *Эфендиев О.Ф.* О военных преступлениях в системе законов и обычаев войны // *Военно-юрид. журнал.* 2006. № 11 // СПС “КонсультантПлюс”.

⁷ См.: *Винокуров А.Ю.* Указ. соч. С. 64.

⁸ *Скуратова А.Ю.* Международные преступления: современные проблемы квалификации. М., 2012 // СПС “КонсультантПлюс”.

⁹ По данной проблеме см., например: *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право. Учеб. М., 1999. С. 114, 115; *Лобанов С.А.* Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях. С. 47; *Адельханян Р.* Военные преступления в международном уголовном праве // *Росс. юстиция.* 2003. № 3; и др.

¹⁰ См.: *Oppenheim L.* International Law. V. II. L., 1952. P. 566, 567.

¹¹ См.: *Полтораки А.И.* Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М., 1966. С. 218.

¹² См.: *Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма.* М., 1995. С. 152.

преступлений¹³. Первые — это случайные преступления, совершаемые индивидами из личных своекорыстных побуждений (убийство, изнасилование, грабеж и т.д.). Вторую группу составляют терроризирование мирного населения, использование запрещенных видов оружия и т.п. — преступления, которые отражают тенденции существующей политической системы. Как считает Р.А. Каламкарян, в первом случае конкретные физические лица совершают преступление международного характера, нарушая не только международные стандарты, но и, как правило, нормы своего национального права, и несут уголовную ответственность в соответствии с нормами внутреннего права своего государства или государства противника. Во втором случае, приведенном Ролингом, государство само совершает международное преступление, несет за это международно-правовую ответственность, а виновные физические лица должны нести международную уголовную ответственность¹⁴. По нашему мнению, данный критерий разграничения военных преступлений (условия их совершения, наличие или отсутствие взаимосвязи между их совершением и проводимой государственной политикой) имеет важное теоретическое и практическое значение, в том числе в плане обоснования двух типов уголовной ответственности за них, соответственно, в рамках международной и национальной уголовной юрисдикции.

Принадлежность военных преступлений к преступлениям против мира и безопасности человечества, специфика их объекта и условий совершения позволяет разграничить их с общеуголовными преступлениями. И.А. Ледях справедливо отмечает, что отдельные составы преступлений, содержащиеся, в частности, в УК РФ, формально по направленности деяния совпадают с военными преступлениями, предусмотренными международным гуманитарным правом (убийство, грабеж, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью, имуществу и др.), но по своим квалификационным признакам не соответствуют международно-правовой специфике статуса военных преступлений¹⁵.

В современной отечественной литературе объект военных преступлений нередко рассматри-

вается в контексте ст. 356 УК РФ “Применение запрещенных средств и методов ведения войны”, что в целом обоснованно. Однако нужно учитывать, что сам термин “военные преступления” в УК РФ не употребляется, в связи с чем существуют различные мнения о том, что, собственно, следует считать военными преступлениями по Российскому уголовному законодательству¹⁶.

Специфика военных преступлений и объекта их посяательства предопределяет особенности правовых оснований уголовной ответственности за их совершение, а также институционально-правового механизма её конкретизации и реализации. Здесь наблюдается пересечение предметных сфер международного права и внутригосударственного права.

Наличие национального закона, криминализирующего то или иное международное преступление и устанавливающего порядок привлечения за его совершение к ответственности, в принципе не является обязательным. Не утратила актуальности мысль, высказанная И.Н. Арцибасовым более четверти века назад: “Наказание военных преступников — это не внутригосударственная, а международная проблема, так как военные преступники совершают преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, ответственность за которые предусмотрена ст. 6 Устава Международного военного трибунала. Ни одно государство не может национальным актом изменить (или тем более отменить) международно-правовую норму”¹⁷. Уместно сослаться на п. 2 ст. 1 Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества¹⁸, где сказано: “Преступления против мира и безопасности человечества являются преступлениями по международному праву и наказуются, как таковые, вне зависимости от того, наказуемы ли они по внутригосударственному праву”.

Вместе с тем не следует умалять значения норм национального (внутригосударственного) права, устанавливающего основания, формы и объем уголовной ответственности за военные преступления, а также регламентирующего процессуальный режим ее конкретизации и реализации

¹³ См.: Международное уголовное право. Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1999. С. 11.

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ См.: Ледях И.А. Защита права на жизнь // Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. М., 2000. С. 257.

¹⁶ Подробнее об этом, см.: Котляш Р.Н. Проблемы квалификации военных преступлений по УК РФ // Военно-юрид. журнал. 2006. № 6 // СПС “КонсультантПлюс”.

¹⁷ См.: Арцибасов И.Н. За пределами законности. М., 1986. С. 230.

¹⁸ Принят Комиссией международного права на ее 48-й сессии в 1996 г. (см.: Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок восьмой сессии (6 мая — 26 июля 1996 г.) // Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят первая сессия. Доп. № 10 (A/51/10). С. 29).

в национальных органах уголовной юстиции. Как показывает практика, большинство дел о военных преступлениях рассматривается национальными судами, которые при осуществлении правосудия руководствуются прежде всего уголовными и уголовно-процессуальными законами своего государства. Национальный закон обеспечивает осуществление принципов и норм международного права (в том числе в исследуемой сфере) на территории государства. Национальное право в свою очередь может быть использовано международными органами уголовного правосудия. Следует согласиться с Ю. А. Решетовым, который полагал, что «юридическим источником ответственности физических лиц за международные преступления может быть и национальное законодательство, если оно соответствует международному праву»¹⁹.

Ещё один существенный момент: неоднозначное понимание правовых оснований уголовной ответственности за военные преступления в науке международного права во многом связано с тем, что определение недопустимых средств и методов ведения вооруженной борьбы, интересы защиты прав человека в ходе вооруженного конфликта установлены нормами отрасли международного права, регулирующей ведение вооруженных конфликтов и обозначаемой такими терминами, как: «международное гуманитарное право», «право вооруженных конфликтов», «законы и обычаи войны» и др.²⁰. Составы военных пре-

ступлений зафиксированы в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. (ст. 50 Первой, ст. 51 Второй, ст. 130 Третьей, ст. 147 Четвертой) и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. (п. п. 2, 3 ст. 35, п. 4 (b), (d) ст. 85 Протокола I). В этой связи в отечественной и зарубежной литературе по международному праву распространена точка зрения о том, что именно международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов) предусматривает уголовную ответственность за совершение военных преступлений²¹.

Как полагают А. В. Берко и А. Г. Кибальник, однозначное признание того, что уголовная ответственность за военные преступления устанавливается также в международном гуманитарном праве, смешивает предметы и задачи двух формирующихся отраслей международного права — международного гуманитарного и международного уголовного права²².

По всей видимости, положения международного гуманитарного права (права вооруженных конфликтов), устанавливающие определенные правоохраняемые интересы, нарушение которых запрещается, являются своего рода отправной точкой для признания того или иного посягательства преступным²³. Вместе с тем вопросы уголовной ответственности за военные преступления (во всяком случае механизм и процедуры ее конкретизации и реализации, санкции за преступные нарушения средств и методов ведения войны, основания освобождения от уголовной ответственности) по своему характеру выходят за рамки тех отношений, которые регулирует международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов), и, следовательно, требуют специальной правовой регламентации²⁴. Поскольку военные преступления посягают на интересы, охраняемые международным гуманитарным правом, постановка вопроса о международном уголовном праве, устанавливающем основания уголовной ответственности за их совершение, выглядит вполне логичной.

Нельзя, однако, не признать также, что вопрос о международном уголовном праве (в том числе его сформированности в качестве самостоятельной отрасли международного права, круге

¹⁹ См.: Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 171.

²⁰ О проблеме обозначения отрасли права, регулирующего ведение вооруженных конфликтов, см.: Арцибасов И. Н., Егоров С. А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. С. 15; Батырь В. А. Указ. соч. С. 63; Каламкьян Р. А., Мигачев Ю. И. Международное право. М., 2002. С. 298; Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 429; и др. В Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (утвержденному Министерством обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г.) дано следующее определение: «Международное гуманитарное право представляет собой применяемую в период вооруженных конфликтов систему правовых принципов и норм, содержащихся в международных договорах (соглашениях, конвенциях, протоколах) или являющихся следствием установившихся обычаев ведения боевых действий» (п. 3); перечень основных международных договоров, относящихся и (или) касающихся международного гуманитарного права, участницей которого является Российская Федерация, приведен в приложении 2 к Наставлению. Важно отметить, что в сноске оговорено: наряду с термином «международное гуманитарное право» в отдельных нормативных правовых актах используются термины «право вооруженных конфликтов» или «право войны» (см.: Наставление по международному гуманитарному праву. М., 2003. С. 9, 10).

²¹ См., например: Батырь В. А. Указ. соч. С. 65.

²² См.: Берко А. В., Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 14.

²³ См.: Адельханян Р. А. Военные преступления в современном праве. С. 32.

²⁴ В литературе также высказана точка зрения о том, что один и тот же документ может быть источником как международного уголовного, так и международного гуманитарного права (см.: Берко А. В., Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 23).

регулируемых им отношений, составе его норм и др.), сохраняет дискуссионный характер²⁵.

Отношения, в которых уголовная ответственность за военные преступления конкретизируется и реализуется, упорядочены в формате корпуса норм межгосударственного и внутригосударственного уровня. Особый юридический формат правовой реакции на факты данных преступлений предопределяет в этом плане их основную отличительную особенность.

Данная особенность обуславливает дифференциацию моделей конкретизации и реализации уголовной ответственности за военные преступления. Как отмечают многие авторы²⁶, в отношении военных преступлений возможна как юрисдикция международного правоприменителя, так и национальная юрисдикция государства²⁷.

Анализ международно-правовых актов и практики реализации уголовной ответственности за военные преступления позволяет указать на следующие основные варианты концептуального обоснования предмета исследования применительно к юрисдикционному механизму.

²⁵ Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться подробнее на этом аспекте. Подробнее по проблеме международного уголовного права, подходах к его пониманию см., например: *Зелинская Н. А.* Международное уголовное право в системе юриспруденции // *Актуальные проблемы экономики и права.* 2007. № 3. С. 134; *Иногамова-Хезай Л. В.* Международное уголовное право. СПб., 2003; *Каюмова А. Р.* Международное уголовное право: становление и современные тенденции развития. Казань, 1998; *Кибальник А. Г.* Современное международное уголовное право. М., 2010; и др.

²⁶ См.: *Берко А. В., Кибальник А. Г.* Указ. соч. С. 23; *Лобанов С. А.* Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях. С. 85, 132; *Лукашук И. И., Наумов А. В.* Указ. соч. С. 10; *Рабцевич О. И.* Национальные органы международной уголовной юстиции // *Московский журнал международного права.* 2008. № 3. С. 127–139; *Русинова В. Н.* Преследование военных преступлений, совершенных в немеждународных конфликтах, на основе универсального принципа юрисдикции // *Военно-юрид. журнал.* 2006. № 5 // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

²⁷ Юрисдикция (лат. *Jurisdictio*) имеет два основных значения: 1) подсудность; право производить суд, решать правовые вопросы; 2) пределы компетенции, правовая сфера, на которую распространяются полномочия данного государственного органа (см.: *Юридический словарь* / Под ред. А. Н. Азрильяна. М., 2009. С. 1141). По данной проблеме см., например: *Ромашев Ю. С.* Особенности установления и осуществления государствами своей юрисдикции в правоохранительной сфере // *Гос. и право.* 2015. № 5; *Черниченко С. В.* Субъективные границы международного права, суверенитет и юрисдикция государств // *СЕМП.* 1989–1990–1991. М., 1992; *Черниченко О. С.* Международно-правовые аспекты юрисдикции государства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Вариант первый. Опора на национальную юрисдикцию. Так, Женевские конвенции 1949 г. (соответственно, ст. 49 Первой, ст. 50 Второй, ст. 129 Третьей, ст. 146 Четвертой) обязывают участвующие государства принять все необходимые меры (в том числе законодательные) для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить серьезные нарушения норм международного гуманитарного права (права вооруженных конфликтов). Государства-участники обязуются разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить такого рода нарушения, и либо предавать их своему суду, либо передавать их в соответствии с положениями своего законодательства для суда другого государства. Нетрудно заметить, что международно-правовой аспект здесь присутствует и связан с возможностью экстрадиции.

Вариант второй. Параллельная юрисдикция. Так, Устав Международного трибунала для бывшей Югославии (ст. 9) установил правило, согласно которому уголовное преследование лиц, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии, могут осуществлять как Трибунал, так и суды государств. При этом юрисдикция Трибунала является приоритетной на любом этапе судебного разбирательства. Соответственно, Международный трибунал может официально просить национальные суды передать ему производство по делу. Процессы над лицами, совершившими военные преступления на территории бывшей Югославии, по факту применимости национального законодательства и Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны имели место в ряде европейских государств, в частности в Дании, ФРГ, Голландии²⁸.

Вариант третий. Принцип дополнительности (комплементарности). Так, действующий на постоянной договорной основе Международный уголовный суд, как это следует из его Статута (Преамбула, ст. 1), обладает юрисдикцией в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества; перечень данных

²⁸ См.: *Merlung E.* National Implementation: the Universal Jurisdiction. The Saric Case // In: *The Punishment of War Crimes: International Legal Perspective.* Report of a Conference organized by the Belgian Red Cross and the Belgian Ministry of Foreign Affairs, 9 October 1996. P. 12, 13; *Bayerisches Oberstes Landesgericht*, 23. Mai 1997 // *Neue Juristische Wochenschrift.* 1997. S. 392, 395; *Reydam L.* Universal Jurisdiction. International and Municipal Legal Perspectives. Oxford, 2003. P. 172.

преступлений приведен в Статуте. Кроме того, в ст. 17 Статута определены те ситуации, когда Суд с учетом факта проводимого государством в рамках его юрисдикции расследования, уголовного преследования, судебного разбирательства либо в случае, если дело не является достаточно серьезным, не принимает дело к производству. В этой связи Международный уголовный суд не подменяет уголовные суды государств, его юрисдикция является восполняющей, комплементарной²⁹.

Принципиально важно отметить: в отличие от национального органа уголовной юрисдикции, международный орган уголовной юрисдикции в исключительных случаях может судить лицо, которое уже было осуждено национальным судом, а именно: а) когда разбирательство в национальном суде предназначалось для того, чтобы оградить лицо от ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию международного уголовного суда; б) если судебное разбирательство в национальном суде не было беспристрастным и независимым и не преследовало цели предать соответствующее лицо правосудию³⁰.

В целом можно вести речь о комбинированном подходе в выборе надлежащей уголовной юрисдикции в отношении военных преступлений, причем национальная форма по общему правилу рассматривается в качестве приоритетной.

Характеризуя отношения, связанные с формированием и реализацией уголовной ответственности за военные преступления в рамках международной или национальной юрисдикции, следует обратить внимание на присутствие и сочетание в них международно-правовых и национально-правовых элементов. Так, национальный суд, рассматривая дело о военном преступлении, будет руководствоваться нормами уголовного и уголовно-процессуального права своего государства, но при этом обращаться к положениям тех международных договоров, которые содержат описание военных преступлений и в которых данное государство участвует. Между тем не исключаются и ситуации, при которых международные органы уголовного правосудия могут обращаться к национальному праву и национальной правоприменительной практике³¹.

²⁹ См.: *Bartram S. Brown*. Primacy or Complementarity: Reconciling the Jurisdiction of national Courts and International Criminal tribunals, 23 *Yale J. of int'l Law*(1998). P. 383–394.

³⁰ См., соответственно: Римский Статут Международного уголовного суда, ст. 20.

³¹ Более подробно по этой проблеме, см.: *Рабцевич О. И.* Национальное право в деятельности международных уголовных судебных учреждений // *Росс. юрид. журнал*. 2010. № 2. С. 39–46.

Наглядным примером сочетания элементов международно-правовой и национально-правовой систем в сфере уголовной ответственности за военные преступления может служить Специальный суд по Сьерра-Леоне, созданный для осуществления судебного преследования лиц, которые несут наибольшую ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и национального законодательства Сьерра-Леоне, совершенные на территории этого государства, начиная с 30 ноября 1996 г.³² Данный международный орган уголовного правосудия создан на основе двустороннего соглашения между ООН и правительством Сьерра-Леоне³³. Его юрисдикция распространяется на судебное преследование лиц, совершивших серьезные нарушения норм международного гуманитарного права, а также лиц, совершивших преступления по законодательству Сьерра-Леоне. В институционально-правовом плане состав Специального суда формируется на смешанной основе (часть судей Судебной и Апелляционной камер назначается правительством Сьерра-Леоне, часть – Генеральным секретарем ООН). Не случайно в специальной литературе данный специальный суд, а также другие органы уголовной юстиции, способы создания, состав, компетенция и применимое право которых органично сочетают в себе международно-правовой и национально-правовой элементы, характеризуются как “интернационализированные”³⁴.

Признание дуализма международного и внутригосударственного права, а также самостоятельности международно-правовой и национально-правовой систем не позволяет свести весь комплекс имеющих различную системную принадлежность материально-правовых и процессуальных норм, устанавливающих основания, меры и порядок конкретизации и реализации уголов-

³² Подробнее об этом суде см.: *Белый И. Ю., Ложников И. С.* Тенденции развития международной уголовной юстиции. Специальный суд по Сьерра-Леоне // *Московский журнал международного права*. 2003. № 1. С. 31–39.

³³ Заключение Соглашения между ООН и правительством Сьерра-Леоне было санкционировано резолюцией Совета Безопасности ООН № 1315 (2000) от 14 августа 2000 г. Соглашение между ООН и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне ратифицировано парламентом Сьерра-Леоне, Законом о Соглашении об учреждении Специального суда (ратификация) 2002 г. (источник: Док. ООН S/2002/679 от 19 июня 2002 г.).

³⁴ См., например: *Скуратова А. Ю.* Указ. соч. С. 125, 126; *Рабцевич О. И.* Интернационализированные уголовные трибуналы – органы международной уголовной юстиции // *Право и политика*. 2007. № 12 // СПС “КонсультантПлюс”.

ной ответственности за военные преступления, в некий полисистемный институт. Данные нормы, содержащиеся в источниках, соответственно, международного и внутригосударственного права, не утрачивают своей системной принадлежности, в том числе в процессе их применения международными и национальными органами. В то же время отмеченная взаимосвязь международно-правовой и национально-правовой систем в исследуемой сфере, наличие совмещенного предмета (отношения, связанные с уголовно-правовой оценкой военных преступлений и виновных в них лиц и взаимосвязанным с данной оценкой уголовно-правовым воздействием), взаимозависимость международных и национальных органов уголовной юрисдикции имеют логическим следствием постановку вопроса о взаимосвязанном, согласованном применении разнотипных норм. Как заметил Г.В. Игнатенко, группы разнотипных норм, сосуществовавшие в определенных ситуациях, могут быть обозначены как правоприменительные комплексы³⁵. Мы вполне разделяем данное мнение и считаем, что оформленные нормами национального и (или) международного уголовного материального и процессуального права отношения, связанные с конкретизацией и реализацией уголовной ответственности за военные преступления, представляют собой в формате своей целостности правоприменительный комплекс. Правомерно также ставить вопрос о типах рассматриваемой разновидности уголовной ответственности в зависимости от юрисдикционного органа, который рассматривает дело о военном преступлении, осуждает и наказывает лицо, совершившее военное преступление.

В системе принципов реализации уголовной ответственности за военные преступления особое место (наряду с другими принципами: законности, индивидуализации, справедливости, ответственности за вину) занимает принцип неотвратимости наказания лиц, виновных в их совершении. Данный принцип, получивший четкое юридическое закрепление в нормативно-правовых документах по проблематике уголовной ответственности главных преступников Второй мировой войны³⁶ и в современных юридических актах универсальной направленности, играет особую роль, обеспечивается рядом положений современного международного и национального

права в исследуемой сфере, оказывает влияние на содержание и действие международно-правовых и уголовно-правовых постулатов. Так, из принципа неотвратимости наказания за совершение преступления против мира и безопасности человечества вытекает важное положение, согласно которому на право искать убежища и пользоваться убежищем не может ссылаться лицо, совершившее преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества по смыслу международных актов, специально выработанных применительно ко всему корпусу обозначенных преступлений³⁷. Принципом неотвратимости наказания за совершение международного преступления обусловлена норма современного международного права, согласно которой никакие сроки давности не применяются к военным преступлениям и преступлениям против человечности, независимо от времени их совершения. Эта норма применялась после Второй мировой войны целым рядом государств в качестве обычной³⁸, была установлена в договорном порядке Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности³⁹, включена в уставы международных органов уголовного правосудия

³⁷ См.: Декларация о территориальном убежище, п. 2 ст. 1 (принята 14 декабря 1967 г. Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 1. М., 1996. С. 338, 339.

³⁸ Так, в нашей стране был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности, независимо от времени совершения преступлений» от 4 марта 1965 г. (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 10. Ст. 123).

³⁹ См.: Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности от 26 ноября 1968 г. // Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова. М., 1982. С. 833–835. В настоящее время участниками Конвенции являются более 50 государств. При этом принцип неприменимости срока давности к военным преступлениям закреплен во многих уставах, наставлениях и в уголовном законодательстве многих государств, в том числе тех, которые не являются участниками Конвенции 1968 г. Подробнее об этом см.: Хенкертс Ж.М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. ММКК, 2006. Т. 1. С. 792. До недавнего времени, отличного от приведенного подхода по данному вопросу, придерживалась Германия: Закон ФРГ, принятый 25 марта 1965 г., позволял амнистировать нацистских военных преступников спустя 30 лет после окончания Второй мировой войны. В настоящее время Уголовный кодекс о международных преступлениях ФРГ, введенный в действие Законом от 26 июня 2002 г., включил в § 5 норму о неприменении сроков давности к международным преступлениям, перечисленным в Кодексе (в том числе военным преступлениям). Подробнее об этом см.: Шулепов Н.А., Шулепова Л.Ф. Инкорпорация норм Римского статута МУС в уголовно-правовую систе-

³⁵ См.: Игнатенко Г.В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия. Сб. науч. публикаций за сорок лет (1972–2011 годы). М., 2012. С. 318.

³⁶ Подробнее об этом см., например: Решетов Ю.А. Указ. соч. С. 175.

(в частности, в ст. 29 Римского Статута Международного уголовного суда), а также в уголовные законы государств – членов мирового сообщества.

Пространственные особенности уголовной ответственности за военные преступления проявляют себя и в том, что уголовное преследование лиц, совершивших такие преступления (в отношении которых имеются серьезные основания полагать, что они их совершили), а также уголовное судопроизводство по делам о таких преступлениях осуществляются вне зависимости от места их совершения и гражданства лица, его совершившего. Данное положение, сложившееся в практике международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью, известно как принцип универсальной юрисдикции.

Принцип неотвратимости наказания за совершение международного, в том числе военного, преступления обусловил несостоятельность ссылки на доктрину государственного акта и одновременно способствовал утверждению принципа индивидуализации уголовной ответственности за военные преступления⁴⁰.

Обобщение изложенного позволяет сформулировать определение понятия уголовной ответственности за военные преступления (мы исходим из получившей распространение в правовой доктрине трактовки уголовной ответственности как предусмотренных уголовным законом уголовно-правовых последствий совершенного преступления⁴¹), а также провести её типологизацию с учётом системной принадлежности органа уголовной юрисдикции, оценивающего юридический факт военного преступления, устанавливающего лицо, его совершившего, и определяющего, соответственно, форму, объём уголовно-правового воздействия, применяемого к данному лицу. Позитив современного международного права выводит нас к следующему концептуальному умозаключению. Уголовная ответственность за военные преступления – предусмотренные международным уголовным правом

(соответствующим ему национальным уголовным законом) уголовно-правовые последствия их совершения, реальная возможность которых оценивается национальным или международным правоприменителем согласно национальному или международному уголовно-процессуальному праву, а сами последствия (в виде осуждения, наказания, судимости лица, совершившего военное преступление) наступают в полном соответствии с обвинительным приговором национального или международного уголовного суда. В формате обеспечения международного правосудия уголовная ответственность за военные преступления преследует цели восстановить (в той мере, в которой это возможно) нарушенный в результате их совершения межгосударственный и внутригосударственный правопорядок, а также предупредить совершение подобных преступлений в будущем.

В зависимости от системной принадлежности юрисдикционного органа, который даёт оценку совершенному военному преступлению и принимает решение о применении к совершившему его лицу меры государственного (межгосударственного) принуждения, следует выделить два типа рассматриваемого правоприменительного комплекса.

Первый тип. Уголовная ответственность за военные преступления в рамках национальной уголовной юрисдикции. Данный тип характеризуется тем, что:

1) правовые основания реализации уголовной ответственности за военные преступления должны быть “включены” в национально-правовую систему соответствующего государства. Предписания о преступности военных преступлений и наказании за их совершение, как общее правило, должны быть предусмотрены нормами национального уголовного закона;

2) нормы об уголовной ответственности за военные преступления реализуются в рамках национальной уголовной юрисдикции главным образом при помощи норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права данного государства;

3) в процессе конкретизации и оформления уголовно-правовой оценки военных преступлений и причастных к ним лиц, а также реализации взаимосвязанного с данной оценкой государственного принуждения нормы национального права применяются согласованно с нормами международного права (прежде всего с нормами международных договоров с участием данного государства);

му Германии // Международное публичное и частное право. 2006. № 4 // СПС “Консультант Плюс”.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Кибальник А. Г. Принципы международного уголовного права // Международное уголовное право. Учеб. для вузов / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов, П. В. Волосюк. М., 2013. С. 63–93.

⁴¹ Следует также иметь в виду, что по вопросу определения понятия уголовной ответственности в науке уголовного права высказаны различные точки зрения. Однако этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи. Подробнее по этому вопросу см., например: Шишов А. А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.

4) решение национального правоприменителя может быть пересмотрено международным органом уголовного правосудия, если разбирательство в национальном суде предназначалось для того, чтобы оградить лицо от ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию международного уголовного суда, либо судебное разбирательство в национальном суде не было беспристрастным и независимым и не преследовало цели предать соответствующее лицо правосудию.

Второй тип. Уголовная ответственность за военные преступления в рамках международной уголовной юрисдикции. Данный тип в институционно-правовом плане покрывает собой следующие юридические ситуации:

1) отношения, связанные с формированием и реализацией уголовной ответственности за военные преступления в рамках международной уголовной юрисдикции, в целом урегулированы нормами международного права (в первую очередь нормами устава соответствующего международного органа уголовного правосудия, а также применимыми по такого рода делам конвенционными и обычными нормами международного права);

2) международный орган уголовного правосудия нуждается в помощи со стороны государств прежде всего в вопросах сбора доказательств, ареста и передачи лиц, приведении в исполнение

приговоров осужденным (модели сотрудничества государств с международными органами уголовного правосудия могут быть различными);

3) ввиду слабой разработки в международном праве вопроса об уголовных санкциях международный орган уголовного правосудия при оформлении уголовно-правовой оценки военных преступлений и причастных к ним лиц нередко обращается к помощи национального уголовного права государств;

4) осуждение лица, совершившего военное преступление, международным уголовным судом исключает возможность осуждения данного лица национальным судом;

5) в стадии реализации мер наказания в виде лишения свободы важную роль наряду с положениями устава международного органа уголовного правосудия и другими нормами международного права играют акты законодательства государства, в котором исполняется приговор.

Позитив права и справедливости в общих параметрах заявленной мировым сообществом приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) ориентирует корпус международных и внутригосударственных органов уголовного правосудия на обеспечение международной законности и правопорядка по линии целостности международной нормативной системы.